

Глава первая ГРАФ СЕН-ЖЕРМЕН

ПАРИЖ

Мой отец жил в Париже, никогда там не побывав. Он был галломан в СССР — галломан из страны за железным занавесом... Отец жил в сталинской Москве, в окружении старых французских книг, купленных в букинистических магазинах. В новой России рабочих и крестьян, поголовно не знавших французского, за бесценок продавались французские книги времен Людовиков и Империй — эти уцелевшие остатки дворянских библиотек. Париж для отца не был городом. Это была мечта. Мечта о свободе в стране рабов и еще о том, что когда-нибудь я увижу недостижимый Париж.

Он умер, так и не побывав в Париже, который часто видел в снах. В этих снах он сидел в парижском кафе с чашечкой кофе и писал рассказ.

Впервые я приехал в Париж в начале 80-х...

Был жаркий майский день. Я сидел в парижском кафе, на столе стояла чашечка кофе, передо мной

лежал отцовский «Путеводитель по Парижу», изданный в 1900 году во время Всемирной выставки. И я сочинял рассказ.

Но ничего не приходило в голову, парижский рассказ не получался. Между тем наступил полдень, и на лице официанта читался вопрос, когда же я покину кафе и уступлю свое место с несерьезной чашечкой кофе посетителям серьезным, пришедшим на священное для француза полуденное «манже». «Манже», без которого истинный француз не только не может жить — умереть не может. В дни революции даже беспощадные революционеры разрешали приговоренным аристократам хорошо отобедать перед путешествием на гильотину. Из окна кафе на другой стороне Сены я видел замок Консьержери, откуда и везли на гильотину этих насытившихся французов... Официант продолжал мрачно смотреть. Я решил поторопиться и, на худой конец, записать в кафе хотя бы чужой рассказ, который услышал от знаменитого итальянского сценариста. Ему и нескольким его коллегам предстояло написать любовные истории протяженностью не более 10 секунд экранного времени! Эти новеллы должны были составить фильм о ЛЮБВИ.

И вот что он сочинил.

Действие происходило в квартире. У телефона сидела прелестная женщина. Перед ней стоял телевизор. На экране готовилась к старту космическая ракета. Голос отсчитывал последние 10 секунд перед стартом. Красавица внимательно глядела в телевизор и одновременно набирала номер.

— 10... 9... — отсчитывал секунды голос по телевизору.— 8... 7... 6... — Она набирала очередные цифры.

- 5... 4... 3... 2... 1... Старт! — раздалось в телевизоре.
- Алло! — сказал в трубке мужской голос.
- Он уехал! — радостно сообщила она.

ЗАГАДОЧНЫЙ ГОСПОДИН

Я закончил записывать чужую выдумку, когда сзади раздался голос, сказавший по-русски:

— Это не просто ловкая выдумка. Это притча о жалкой любви в жалком веке. Десяти секунд и вправду достаточно для ее описания.

Я обернулся. Он сидел за соседним столиком и улыбался.

Он был в великолепном белом чесучовом костюме, в широкой соломенной шляпе, из-под которой торчали черные усы, длинный зигзагообразный нос и впалые, вдавленные щеки... И весь он был какой-то изогнутый, узкий, ненадежный. Несмотря на жару, он был в белых перчатках.

Я хотел ему ответить, но не успел, ибо в тот же момент он... исчез! Остались только руки в перчатках. Это не самая обычная картина, когда из пустоты торчит парочка белых перчаток. Но я не успел поразиться, ибо в следующее мгновение он преспокойно восседал передо мной на стуле.

— Нет-нет, — засмеялся он, — здесь нет ничего сверхъестественного. Это всего лишь фокус, которым в любимом мной Галантном веке сводил с ума парижан граф Сен-Жермен. Вас явно тревожат мои перчатки. Я, видите ли, участвовал в раскопках Вавилона. Этого делать было не надо. Как всем нам известно из Библии, Вавилон был проклят Господом. «Не засеется никогда, и в роды родов не будет жителей

в нем... Но будут обитать в нем звери пустыни... Шакалы будут выть в чертогах их, и гиены — в увеселительных домах... И сделаю его болотом... — сказал Бог Саваоф». Когда я впервые приехал, — как-то странно словоохотливо продолжил он, — увидел поразительную точность предсказанного. Передо мной лежали уродливые холмы, болото и пустыня, и под ними прятался проклятый город. Там не росла даже трава. Только тростниковые топи, источавшие лихорадку. Но я получил разрешение и начал копать.

Его рассказ показался мне куда более странным, чем его перчатки. Последние раскопки в Вавилоне, как я смутно помнил, проводились в самом начале двадцатого века.

Но он продолжал читать мысли. Усмехнувшись, сказал:

— И вправду. В отличие от иных знаменательных мест Ирака, где каждый год идут раскопки, на месте Вавилона с 1918 года *официально никто* не копал. И правительство уклоняется давать разрешение. Там не бывает даже туристов. Однако легко предположить, что за большие деньги я получил разрешение и начал копать в проклятом месте.

— Так вот в чем дело, — успокоился я.

И незнакомец, всё читая мои мысли, одобрительно-насмешливо кивнул:

— Я рад, что вам все стало понятнее. Копать там необычайно трудно. Приходилось платить рабочим бешеные деньги: люди панически боятся этих мест. Я намеревался отрыть древнейшую часть Вавилона. Это город правителя Хаммурапи, существовавший за полтысячи лет до Моисея. Но оказалось, он лежит под стометровым слоем ила. Тогда я решился копать

на месте города Навуходоносора. Но и он укрыт тридцатиметровым слоем собственных камней и черепков. В этот мусор превратились знаменитые башни, колонны, висячие сады... Но все-таки кое-что удалось. Откопали замечательную стелу, покрытую клинописью. Конечно же я торопился прочесть... Камень расчищали всю ночь. К рассвету я нежно гладил руками каменные письма проклятого Господом города. Я чувствовал плотский, страстный ропот времени. Но уже к вечеру руки горели. Я подхватил инфекцию, совершенно обезобразившую их... Будьте осторожны с подобными местами. Однако мне пора.

Он только взглянул в сторону официанта, как тот опрометью бросился к нему. Я увидел, как в белых перчатках появилась серьезная купюра и улеглась на столик:

— Благодарю, мой друг. Сдачи не надо. — И, поднимаясь с места, сказал мне: — Надеюсь, мы вскоре продолжим нашу беседу. — И протянул рукой в перчатке визитную карточку.

На визитке я прочел:

— Антуан де Сен-Жермен.

И телефон.

Он засмеялся:

— Это псевдоним всего лишь. Когда-то я снимал квартиру в квартале Сен-Жермен. Но нынче обитаю в Латинском квартале, в двух шагах от мастерской Делакруа. Позвоните мне, коли будет настроение. Буду рад. Вы, как я понял, писатель, весьма увлеченный Историей. Только такой человек может с упоением листать столетней давности путеводитель, быть осведомленным о раскопках в Вавилоне и пытаться сочинять в кафе, водрузив на столик *компьютер*.

Но остерегайтесь, мой друг, носить обе эти вещи в одной сумке. Поверьте, они ненавидят друг друга — великолепный, переживший столько приключений путеводитель и ненадежное, ломкое дитя прогресса.

Я с наслаждением слушал звуки его речи. Той русской речи, которая сохранилась в семьях эмигрантов первой волны. Их язык, избежавший издевательств новояза революции, хранит умолкнувший голос нашей погибшей Атлантиды.

В ту первую встречу я не сомневался: он русский.

В кафе вошел какой-то безликий, странно бледный молодой человек. Прощально помахав мне рукой, господин Антуан Сен-Жермен вышел вместе с ним из кафе. Я увидел в окно, как этот молодой человек, видимо его шофер, распахнул перед ним дверь автомобиля.

В ГОСТЯХ У МЕСЬЕ АНТУАНА

На следующий день я позвонил ему, но никто не ответил. Всю неделю я тщетно пытался дозвониться. Телефон, указанный на визитной карточке, молчал. Лишь в воскресенье я услышал голос месье Антуана. Безо всяких вступлений он пригласил меня к себе.

Он жил в доме на моей любимой площади. Это крохотная площадь Фюрстенберг, затерявшаяся в улочках Латинского квартала. Вся площадь — маленький асфальтовый круг, на котором разместились старинные фонари, церемонно окруженные деревьями. На это царство гармонии глядят окна мастерской Делакруа. Мой странный знакомец жил в доме рядом с мастерской.

Мне открыл дверь все тот же безликий молодой человек. Молча повел в глубь квартиры. Это была неправдоподобная квартира... Мы шли через бесконечную анфиладу комнат, заставленных старинной мебелью. Портьеры на окнах были задернуты, горели свечи в бронзовых канделябрах, мерцали зеркала и золотые рамы картин.

Пришли в большую залу. В центре стоял великолепный стол черного дерева с ножками — резными головами атлантов.

Стол стоял на фоне огромного окна. Он как бы плыл над площадью, освещенной заходящим октябрьским солнцем.

В дальнем углу залы притаился клавесин, который я не сразу заметил, пораженный великолепием стола. На стене, справа от стола, висел портрет в массивной золотой раме.

На портрете был изображен красавец мужчина в камзоле и парике. С лицом насмешливым, гордым... и знакомым.

Месье Антуан стоял у стола, поглаживая позолоченную голову атланта... На этот раз он был в черном смокинге и в черных перчатках.

Церемонно поздоровавшись, начал говорить:

— Этот стол сделан по личному заказу «короля-солнце» в знаменитой «Мануфактуре королевской мебелировки». Что же касается портрета, он вас заинтересовал не зря. Портрет этот написан при жизни фантастического господина, на нем изображенного... накануне его официальной смерти. Обратите внимание на необычайно широкий лоб, говорящий об опасном разуме. Его крупный нос весьма напоминает нос Гёте. В подобном носе знаменитый физиономист

Лафатер увидел великую способность творить. Чуть выпяченная губа господина повествует о сластолюбии и похоти, побежденных, однако, неукротимой волею. Он выглядит на портрете от силы сорокалетним, не правда ли? Хотя, по его собственным словам, ему в это время было 88 лет... Впрочем, ни дата рождения, ни дата его истинной смерти неизвестны. Неужто не поняли, о ком речь? Это тот, чьим именем я позволил себе украсить мою визитную карточку. Это — граф Сен-Жермен.

И Я... УВИДЕЛ!

Надо сказать, я был взволнован. Меня давно занимал этот неправдоподобный господин. Все последнее время я писал биографию Екатерины Великой. По одной из версий, сей фантастический граф в 1761–1762 годах находился в России и тайно участвовал в свержении несчастного Петра III.

Я не успел подумать (так будет всегда в наших беседах), как месть Антуан уже говорил:

— Именно! Именно! И тогда они впервые встретились, граф Сен-Жермен и граф Алексей Орлов. Потом была вторая встреча, в Италии. В ту вторую встречу граф Сен-Жермен участвовал в знаменитом Чесменском бою под именем генерала Салтыкова. Как он сам рассказывал, это имя он выбрал из уважения к князю Сергею Салтыкову, любовнику Екатерины и отцу вашего императора Павла.

— Насчет отца Павла у меня иная теория, — начал я.

— Ну какие тут могут быть «иные теории», — прервал месть Антуан. — Никаких «иных» быть не может. — И тут лицо месть Антуана странно

покраснело, точнее, налилось кровью. За наши два дня общения я видел это его состояние много раз. Но в тот, первый, я очень испугался, мне показалось, что с ним случился припадок!

Он шептал:

— Никаких иных теорий быть не может... Охота... Все у них случилось тогда... В тот день они отстали от охотников...

И, клянусь, я... *увидел!!!* ...Длинный тоннель. Тоннель как-то воровски мелькнул передо мною... пропал. И уже из тьмы исчезнувшего тоннеля навстречу мне скакали двое всадников. И тотчас исчезли. Как бывает, когда теряешь сознание... Я летел... во тьму. И слышал... слышал монотонный голос месье Антуана:

— Он и она... вы их не видите... они отстали от охотников, они на лошадях... Остановились у старого охотничьего домика... Он наклонился к ней с седла... и обнял за талию... Она не противится, но задрожала. А он, уже лаская губами ее ушко, нашептывает картины счастья и как сделать тайной счастье, которым они смогут безопасно наслаждаться... уже сейчас! Он вынимает ключ от домика!.. И она смотрит на ключ... и!!!

Я видел вновь лицо месье Антуана, оно придвинулось совсем близко: тяжелые веки и ледяные глаза без ресниц. И опять зашептал его голос:

— Она напишет впоследствии в «Записках»: «В ответ я не проронила ни слова...» Подобное молчание на языке Галантного века считалось *зовом!* Он немедленно воспользовался ПРИЗЫВНЫМ молчанием... Пропустив восхитительную станцию «Изнурительной Нежности», он поторопился в «Приют Наслаждения»... Они вошли в домик! «Случившее-

ся»... эти полтора часа счастья... остались ясным намеком в ее «Записках»: *«Часа через полтора я сказала ему, чтобы он ехал прочь, потому что наш... такой долгий разговор может стать подозрительным.* Он возразил, что не уедет, пока я не скажу — “люблю”. Я ответила: “Да, да, но только убирайтесь”. Он пришпорил лошадь; а я крикнула ему вслед: “Нет, нет!...”»

(Впоследствии я отыскал этот эпизод в «Записках» Екатерины Великой. Оказалось, месье Антуан цитировал почти слово в слово.)

ГАЛАНТНЫЙ ВЕК

Месье Антуан замолчал, будто пытаясь прийти в себя. Пришел в себя и я.

Он продолжил совсем спокойно:

— Однако мы заговорили о графе Алексее Орлове. У него было великолепное лицо с медальными чертами, восхитительно изуродованное глубоким шрамом. Это был век, когда шрамы, добытые в сражениях, драках и дуэлях, прельщали женщин. Люди в том веке умирали от ран куда чаще, чем от жалкой старости. Последний век, когда побеждали личным мужеством.

«Чтобы получить все, нужно рискнуть всем» — любимый лозунг века.

Короток был путь из хижин во дворцы, а из дворцов на эшафот — еще короче. Я очень люблю наблюдать эту сценку. Ваш русский канцлер старик Остерман, приговоренный к казни, равнодушно поднялся на эшафот. Он преспокойно снял парик и как-то аккуратно, удобно уложил голову на плаху. Будучи помилован, так же преспокойно встал, попросил вер-

нуть парик, расправил на нем волосы, надел его и отправился в ссылку в Сибирь.

Уолтер Рейли, любовник великой английской королевы Елизаветы, поэт, пират, ученый и, возможно, истинный автор шекспировских пьес, на седьмом десятке приговоренный к казни, насмешливо сообщал другу: «Только приезжай пораньше, коли хочешь занять хорошее место у моего эшафота, народу будет много. Мне же там обеспечено лучшее место». И когда палач попросил положить голову «как принято, лицом к востоку», он успел презрительно пошутить: «Неважно, мой друг, где находится голова, главное, чтобы сердце находилось на нужном месте».

Но мой фаворит, мой любимый век — восемнадцатый! Предыдущий, семнадцатый, варварски заковал прекрасных дам в броню негнушейся одежды. Длинные юбки посмели совершенно закрыть прелестные женские ножки. Но восемнадцатый сумел открыть их! И как лукаво, мой друг! Век изобрел качели. Кавалер раскачивал качели, и юбка улетала вверх, щедро обнажая восхитительные ножки. И, наконец, танцы! Они — главная любовь века. Граф Сен-Жермен сочинил популярнейшие танцы. Его аллеманду обожали в маскарадах... В аллеманде *он* и *она* должны так тесно прижаться друг к другу, что не оставалось сомнений в событиях, последующих после танца. Главной фальшью этого танцующего Века Любви был только брак. Граф Сен-Жермен рос сиротой и оттого избежал лжи тогдашнего брака. Ибо браком в ту пору управляли родители. Эти гнусные существа были обязаны думать о выгоде — финансовой или о престиже родословной. И к несчастной девушке, только что вышедшей из монастыря, приводили незнакомого

мужчину. В присутствии нотариуса бедняжке объявляли, что сей незнакомец знатного рода и есть ее будущий муж. Дальше свадьба и ночь, когда ей приходилось отдаваться совершенно чужому человеку. В эту первую ночь жених фактически насильно насиловал испуганную, не любящую его девушку... Свершив необходимое, он гордо вставал с постели в поту, она оставалась лежать в слезах. С этого начинался брак и тогда же заканчивался. Как сказал принц Лозен своей юной жене: «Дорогая, мы выполнили наши обязанности и впредь не будем мешать друг другу!» Теперь она мечтает о подлинной любви, о которой читала во всех романах. Молодой муж отдает дань главной моде — он приступает к охоте на женщин, влюбляясь в новых и новых. Единственная, к кому он останется равнодушным до смерти, — это его жена. От нее требуется только наследник. Родив, то есть исполнив долг, она вслед за супругом с упоением вступала в любовную круговерть, где все мужчины хотели соблазнить и все женщины — быть соблазненными...

Как это ни смешно, счастливыми оказывались браки со стариками. Впрочем, Галантный век отменил возраст. В дни этого пламенного века стариков не было, все до могилы оставались молодыми. Конечно, помогали парики, румяна, кружева, роскошь туалетов! Но главное было в вечно молодом мироощущении! Бабушка Жорж Санд объясняла своей внучке: «Старость в мир принесла Революция. В мои дни я попросту не встречала стариков. Мой муж — ему было 62 года, мне чуть за двадцать, — он до последнего дня следил за внешностью, был красив, нежен, спокоен, весел, любезен, грациозен и всегда надушен. Я радовалась его возрасту. Я не была бы с ним так

счастлива, будь он молод. Ведь женщины красивее меня наверняка разлучали бы его со мной. Теперь же он был только мой! Я убеждена, что мне достался лучший период его жизни. Мы не расставались ни на минуту, но я никогда не скучала с ним. Природа дала ему множество талантов. Мы играли дуэтом на лютне. Он был не только превосходным музыкантом, но, как часто бывало в нашем веке, художником, слесарем, часовщиком, плотником, поваром и архитектором. Но главное — великолепным любовником. Он страстно, с фантазиями большого опыта, любил мое молодое тело. И еще. Он и его сверстники знали не только как надо жить, но и как надо умирать. И если у кого-то была подагра, они терпели любую боль, но никогда не пропускали прогулку с любимой. Воспитанные люди в мое время были обязаны скрывать свои страдания. В любой игре они умели достойно проигрывать. Они считали, что лучше умереть, танцуя на *балу*, чем дома в окружении зажженных свечей и отвратительных людей в черных одеждах. Мой муж до конца умело наслаждался жизнью. Но когда пришло время с ней расставаться, последние его слова были: “Живите долго, моя дорогая, любите много и будьте счастливы”». — Месье Антуан усмехнулся. — И потому разрушенная Бастилия — рубеж моей любви к человечеству. Дальше начинается время кровавых и, главное, скучных фанатиков. Унылый очкастый Робеспьер в неумело напудренном парике, над ним всегда висел белый нимб от пудры. Или толстый пьяница Дантон, ревущий проклятья аристократам, от него всегда несло потом... Или парализованный урод — революционный судья Кутон... Утром этот плевок природы сносили по лестнице, сажали в крес-

ло, двигавшееся при помощи рычагов. Передвигая рычаги, он яростно мчал свое жалкое тело в испуганной толпе. Спешил судить, точнее, осудить на смерть врагов Революции... Да, Революция покончила с Любовью и Гармонией, принеся символическую жертву — Королеву Галантности, Женщину с лазоревыми глазами, Марию-Антуанетту. — Здесь месье Антуан наконец остановился и сказал: — Простите за этот монолог, в нем есть самое мне ненавистное — патетика. Но Мария-Антуанетта была безответной любовью... — Он помолчал и прибавил: — ...самого таинственного человека в мире — графа Сен-Жермена.

С месье Антуаном было невозможно беседовать. Он говорил бесконечными монологами, совершенно не слушая собеседника. И глаза его при этом смотрели куда-то вверх, выше вас. Когда он наконец замечал вас, в его глазах появлялось безмерное удивление: «Как, вы тут? А я о вас, признаться, несколько позабыл».

Но тогда я решительно вырвался из потока его слов. Я сказал:

— Послушайте, неужели вы всерьез? Вы верите во все эти сказки про графа Сен-Жермена? По мнению всех почтенных энциклопедий, граф Сен-Жермен был всего лишь великим надувателем, одним из вождей золотого века авантюристов.

Месье Антуан долго молчал, потом сказал:

— Люди не могут вынести бремени Тайны. У нее нестерпимый свет. Запомните: граф Сен-Жермен — единственный человек на земле после Господа... чье присутствие после смерти зафиксировано множественным источником.